

С. А. Нефедов

Уровень потребления в оскудевшем центре России и причины русской революции

Вопрос о причинах русской революции остается предметом оживленной дискуссии. Дореволюционная российская, а затем и советская историография полагала, что революция была вызвана главным образом низким уровнем жизни, бедностью и постоянно возникавшим голодом. Такой позиции первоначально придерживалась и западная историография. До 1970-х годов причину революции видели в ухудшении положения народных масс, прежде всего крестьянства; главным фактором оскудения крестьянства считался быстрый рост населения, приведший к нехватке пахотных земель. Однако с 1970-х годов данная точка зрения встретила серьезные возражения в работах так называемой ревизионистской школы. Историки этого направления доказывали, что уровень жизни населения в России возрастал и согласно официальной урожайной статистике потребление увеличивалось¹.

В настоящее время появилась дополнительная возможность проанализировать динамику потребления с помощью антропометрических данных. Главные цели статьи — получение погубернских сведений о росте новобранцев, изучение их динамики и сопоставление этих новых материалов с известными показателями официальной урожайной статистики. Однако для начала удобнее рассмотреть имеющуюся официальную статистическую информацию.

Нефедов Сергей Александрович
д-р ист. наук, доц.,
Институт истории
и археологии
Уральского
отделения РАН
(Екатеринбург,
Россия)

Урожайная статистика стала относительно надежной после 1893 г., когда изменилась система оценки урожайности и начался регулярный учет площади посевов. Вопрос о точности этих данных одно время был предметом дискуссии, однако в наиболее обстоятельных исследованиях Н. Виноградовой, С. Уиткрофта и Р. Дэвиса они признаются достаточно надежными².

Таким образом, с середины 1890-х годов прослеживается динамика средних подушевых сборов и так называемого душевого чистого остатка (т. е. остатка зерновых за вычетом экспорта и расходов на посев). Кроме того, можно учесть чистый остаток картофеля за вычетом расходов на посев; мы добавили картофель к зерну, пересчитав его вес с учетом калорийности. В итоге чистый остаток хлебов (зерна и картофеля) представляет собой продукты, которые расходуются на потребление в пищу, и фураж для скота; также небольшая часть расходуется на винокурение. В предыдущей нашей работе³ соответствующие данные приводились при пересчете картофеля в хлеб в соотношении 5:1, но для сравнения с данными Министерства продовольствия нам пришлось пересчитать их в соотношении 4:1 (цифры при этом увеличиваются примерно на 2%). В итоге получается, что урожаи сильно колебались от года к году, однако тренд среднего пятилетнего потребления поначалу рос и в 1900/01–1904/05 гг. достиг максимума в 364 кг на душу. Затем он снизился до 323 кг в 1905/06–1909/10 гг. и снова возрос до максимальной величины в 383 кг в 1909/10–1913/14 гг. Этот максимум был достигнут непосредственно перед Первой мировой войной благодаря рекордным урожаям 1912 и 1913 гг. В целом душевое потребление хлебов в 1900/01–1913/14 гг. колебалось вокруг среднего уровня в 354 кг (из них 35 кг приходилось на картофель в пересчете на хлеб).

По данным Министерства продовольствия Временного правительства, самые минимальные потребности в зерне в 1917 г. оценивались в 18,3 пуда (300 кг) на душу⁴. Если учесть потребление картофеля, то суммарное минимальное потребление оценивалось в 335 кг на душу. Как отмечалось выше, среднее потребление в предвоенный период составляло 354 кг, но в отдельные годы (и даже пятилетия) оно падало ниже 335 кг.

При низком среднем уровне потребления ситуация осложнялась большими порайонными различиями. В конце 1890-х годов огромный рост недоимок в Центрально-Черноземном районе (и в соседних губерниях) побудил правительство обратить внимание на положение крестьян в этом регионе. В конце 1890-х годов проблема так называемого оскудения центра была признана официально, она стала объектом рассмотрения специально созданных совещаний: Особого совещания под председательством А. И. Звегинцева, Комиссии 1901 года, Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В материалах Комиссии 1901 года делался вывод: «Основная причина не вполне благоприятного положения нашего крестьянства в земледельческих местностях кроется в относительном малоземелье. <...> Эта причина действует с наибольшей силой, и развитие благосостояния сельского населения идет менее всего успешно именно в средне-земледельческих и средне-приволжских губерниях, т. е. приблизительно в тех местностях, которые... именуется центром»⁵. Относительно других местностей в материалах

Комиссии 1901 года говорится, что «положение нельзя считать неблагоприятным»⁶.

По принятому Комиссией районированию Средне-Земледельческий район включал Тульскую, Орловскую, Рязанскую, Курскую, Пензенскую, Саратовскую, Тамбовскую, Воронежскую, Харьковскую губернии. Средне-Приволжский район включал Нижегородскую, Казанскую и Симбирскую губернии. Эти 12 губерний составляли Центрально-Земледельческий район, или просто «центр», и в документах обычно говорили об «оскудении центра». «Оскудение центра России стало несомненным фактом, и, постепенно распространяясь, оно захватывает все больший и больший район», — отмечал министр финансов В. Н. Коковцов⁷.

Каков был уровень потребления в оскудевшем регионе? Сколько хлеба производилось, вывозилось или ввозилось и сколько его оставалось в регионе? В 1916 г., в обстановке войны, Особое совещание по продовольственному делу приступило к выработке плана нормирования продовольствия. В рамках этой работы оценивались перевозки «четырех главных хлебов» (ржи, пшеницы, ячменя и овса) по губерниям. В материалах комиссии указывалось, что если железнодорожная статистика оказалась достаточно точной, то данные о перевозках по водным путям были заведомо неудовлетворительными, а сведений о гужевых перевозках вообще не имелось⁸. Поэтому мы можем использовать данные Особого совещания лишь для тех губерний, где водные и гужевые перевозки играли сравнительно небольшую роль. Таким образом, из рассмотрения выпадают бассейн Средней и Нижней Волги, Камы, а также южные приморские губернии, где часть зерна доставлялась к портам гужом и, кроме того, большое значение имели неучтенные перевозки второстепенных хлебов (гречихи, проса, кукурузы и пр.). Тем не менее для многих губерний удается оценить чистый остаток зерна с учетом ввоза-вывоза и расходов на посев, т. е. объем, шедший на потребление в пищу и на фураж для скота⁹.

Однако как соотносятся эти данные с минимальными нормами потребления? В предыдущей работе¹⁰ мы предприняли попытку такого сравнения, но за минимальную душевую норму потребления в пищу бралась одинаковая для всех регионов величина 15,5 пуда (254 кг), что вносило погрешность в расчеты. Кроме того, минимальная норма соответствовала потреблению мирного времени. Вместе с тем существуют оценки минимальной нормы военного времени, сделанные непосредственно Министерством продовольствия Временного правительства¹¹. В 1917 г. в обстановке острых продовольственных трудностей Министерство попыталось установить нормы потребления по районам, а также оценить минимальные расходы на фураж. Для городского населения специалисты исходили из нормы 1,5 фунта (614 г) печеного хлеба в день для лиц физического труда и 0,75 фунта (307 г) всех прочих, полагая, что, «несмотря на недостаточность, такие нормы все же могли практиковаться длительно, не приводя к явлениям голодовки»¹². Эта норма соответствует 131 кг зерна на человека в год; для районов, вывозящих зерно («производящих районов»), ее повысили до 164 кг. Для сельского населения нормы также различались по районам в зависимости от потребления картофеля, в среднем они составляли 211 кг на

душу. В целом на душу городского и сельского населения была установлена минимальная норма в 197 кг. Нормы потребления зерна на фураж также сводились к минимуму и варьировали по губерниям в зависимости от обеспечения пастбищами и сенокосами; средняя норма по Европейской России равнялась 103 кг на душу¹³. Как отмечалось ранее, минимальная норма потребления зерна на продовольствие и фураж принималась в 300 кг. В эту норму не входило потребление картофеля. Для сравнения: по данным хлебофуражных балансов Центрального статистического управления СССР, в 1925/26–1928/29 гг. среднее душевое потребление зерна в пищу определялось в 216 кг, на фураж — 154 кг, в сумме — 370 кг в год¹⁴.

Таким образом, мы можем сравнить чистый остаток зерна в губерниях с минимальными нормами военного времени. В табл. 1 в столбцах 2 и 3 указан средний чистый сбор всего зерна (за вычетом посева) на душу населения для 1908–1911 и 1909–1913 гг. В столбцах 4 и 5 — ввоз или вывоз «четырех главных хлебов». Столбец 6 — душевое потребление картофеля (за вычетом расхода на посев и винокурение) в пересчете на зерно 4:1 в 1909–1913 гг. Столбцы 7 и 8 — душевое потребление зерна с учетом ввоза/вывоза за вычетом расходов на посев и винокурение и с добавкой потребления картофеля в пересчете на зерно (4:1) в соответствующие годы, т. е. душевое потребление в пищу и на фураж без учета возможных потерь при хранении. Столбец 9 — минимальное душевое потребление зерна в пищу и на фураж по оценке Министерства продовольствия; эта оценка была дана Министерством не для губерний, а для больших районов, что потребовало соответствующего пересчета данных таблицы в нашей предыдущей работе¹⁵. В столбце 10 к данной величине добавлено душевое потребление картофеля в пересчете на зерно в 1909–1913 гг. из столбца 6, т. е. это минимальная норма душевого потребления зерна и картофеля в пищу и на фураж. Указанную норму можно сравнить с реальным душевым потреблением в столбцах 7 и 8.

Таблица 1

Чистый сбор, перевозки зерна и потребление в 1908–1911 и 1909–1913 гг. (кг на душу)

Район (губерния)	Чистый сбор зерна на душу населения		Ввоз (+) или вывоз (-) зерна		Душевое потребление картофеля	Душевое потребление зерна и картофеля		Минимальная норма	
	1908–1911	1909–1913	1908–1911	1909–1913	1909–1913	1908–1911	1909–1913	зерна	зерна и картофеля
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>Северный</i>	191	201	79	74	12	279	284	275	287
Архангельская	81	80	162	177	9	247	262		
Вологодская	221	233	56	45	13	288	291		

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Северо-Западный	131	134	173	196	27	327	357	223	250
Новгородская	184	191	84	93	29	294	312		
Петроградская	55	54	276	319	22	347	394		
Псковская	233	239	57	55	37	325	330		
Прибалтийский	306	293	73	89	50	421	440	331	381
Эстляндская	333	307	56	83	33	434	385		
Лифляндская	297	288	78	91	51	417	422		
Белорусский	213	229	46	40	63	315	328	262	326
Витебская	193	206	62	60	42	296	306		
Могилевская	204	223	31	27	66	295	312		
Минская	238	241	23	21	84	338	342		
Смоленская	204	237	78	62	51	320	347		
Промышленный	149	161	140	154	38	321	350	229	267
Владимирская	184	188	134	144	49	361	380		
Калужская	151	180	90	83	42	276	302		
Костромская	240	247	67	95	36	336	378		
Московская	57	65	271	275	30	352	368		
Ярославская	198	203	51	125	57	306	383		
Тверская	154	175	91	89	29	266	291		
Центрально-Черноземный	403	444	-113	-107	48	332	380	301	349
Курская	418	482	-56	-76	45	404	449		
Орловская	331	354	-46	-47	58	341	360		
Тульская	424	424	-193	-166	68	295	314		
Рязанская	318	323	-85	-66	50	278	303		
Тамбовская	499	537	-208	-179	42	324	395		
Воронежская	401	490	-100	-110	35	329	411		

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Малороссийский	402	453	-83	-91	45	354	406	311	356
Полтавская	500	551	-142	-151	42	391	442		
Харьковская	469	532	-100	-104	31	385	459		
Черниговская	212	249	6	-5	63	277	305		
Киевская губерния Юго-Западного района	391	428	-24	-33	21	385	413	292	325

Данные о перевозках подсчитаны по: Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909–1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Вып. 1. Пг., 1916; Исчисление избытков и недостатков четырех главнейших хлебов урожая 1915 г. в 46 губерниях Европейской России. Пг., 1916.

Данные о чистом остатке за вычетом посева подсчитаны по справочникам «Урожай <...> года»; Урожай хлебов в России в 1917 г. / под. ред. А. Е. Лосицкого. М., 1918.

Данные о винокурении подсчитаны по: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой. Петроград, 1915; Год девятый. Петроград, 1916.

Душевое потребление в 1909–1913 гг. во всех губерниях было более высоким, чем в 1908–1911 гг., что стало результатом двух рекордных урожаев 1912 и 1913 гг., причем разница оказалась особенно велика в Центрально-Черноземном и в Малороссийском районах. Переходя к анализу потребления по районам, мы видим, что в Северном районе зерна не хватало, оно ввозилось, но потребление все равно оставалось примерно на уровне минимальной нормы. Северо-Западный район ввозил зерно в еще больших масштабах — преимущественно для обеспечения Петербурга. За счет этого ввоза потребление в мирное время было здесь много выше минимальной нормы. Правда, нужно учитывать, что в расчетах Министерства продовольствия минимальную норму для населения Петербурга урезали до полуголодного уровня.

В Прибалтийском районе мы видим высокие чистые сборы и в то же время значительный ввоз зерна. Это объясняется значительными расходами на винокурение и откорм скота; водка и мясо поставлялись в Петербург. В целом потребление здесь превышало минимальную норму. В Белоруссии положение было намного хуже; в этой области аграрного перенаселения наделы не могли прокормить крестьян, которые пытались выйти из положения выращиванием картофеля. Тем не менее продовольствия не хватало, оно ввозилось; потребление оставалось на уровне минимальной нормы, а в Витебской и Могилевской губерниях — даже немного ниже нормы. В Промышленном районе зерна также не хватало, но обмен на промышленные товары позволял ввозить примерно такое же количество зерна, какое составлял чистый сбор в районе.

В мирное время потребление (за исключением Тверской губернии) превосходило норму, но, как и в Северо-Западном районе, норма занижалась за счет жителей Москвы.

В Центрально-Черноземном районе (это часть оскудевшего центра) душевые сборы сохранялись высокими, но больше четверти зерна вывозилось. Это привело к тому, что в 1908–1911 гг. потребление здесь оказалось ниже нормы. Особенно сложная ситуация сложилась в Тульской и Рязанской губерниях, где низкий уровень потребления сохранялся и в 1909–1913 гг. В Малороссийском районе тяжелое положение наблюдалось в перенаселенной Черниговской губернии, в других губерниях ситуация была значительно лучше.

Итак, порайонные данные о потреблении, как и ожидалось, указывают на кризис центра. Причина этого кризиса заключалась в большом вывозе зерна из региона, связанном с тем, что вывозившие зерно крупные землевладельцы владели здесь примерно третью пахотных земель¹⁶.

Вместе с тем положение в окраинных губерниях оставалось значительно лучшим, нежели в центре. Правда, мы не имеем достоверной статистики для южных губерний, но Комиссия 1901 года пришла к выводу, что положение там было относительно благоприятным.

Таковы выводы, которые можно сделать из анализа имеющихся статистических данных об урожаях и транспортировке зерна. Однако использованные в этом анализе официальные статистические данные не дают ответа на многие вопросы. Как отмечалось выше, относительно достоверная урожайная статистика появилась только после 1893 г.; она указывает на колеблющуюся динамику потребления, и вывод о росте потребления делается лишь на основе рекордных урожаев 1912 и 1913 гг. Но каков был общий тренд в более длительный период после освобождения крестьян в 1861 г.? Какова была динамика потребления в отдельных губерниях? Последний вопрос особенно важен для понимания ситуации в губерниях оскудевшего центра.

На помощь приходят антропометрические данные. Считается, что дефинитивный рост человека отражает уровень жизни (в том числе уровень питания) до времени совершеннолетия. Как указывалось выше, главная задача данного исследования — получение погубернских данных о динамике роста новобранцев и дальнейшее сопоставление этой динамики с погубернскими данными урожайной статистики (табл. 1).

Данные о росте новобранцев стали публиковаться после военной реформы 1874 г. На их основе Б. Н. Миронов подсчитал, что рост новобранцев в 1874–1911 гг. увеличился на 3 см¹⁷; полученные результаты служили одним из основных аргументов для сторонников «ревизионистской школы», утверждавших, что уровень жизни в России повышался. К сожалению, в этих вычислениях была обнаружена ошибка, заключающаяся в их неверной методике¹⁸. Поясним, в чем заключалась ошибка и насколько рост рекрутов в калькуляциях Б. Н. Миронова отличался от реального, что позволит скорректировать эти расчеты для определения динамики роста в отдельных районах.

В документации призывных комиссий до 1890 г. новобранцы делились на ростовые группы, указывалось число принятых в каждой группе:

- в 2 аршина $2\frac{1}{2}$ вершка — <...>
- в 2 аршина 3 вершка — <...>
- в 2 аршина 4 вершка — <...>
- в 2 аршина 5 вершков — <...>

Рост новобранцев измерялся с точностью до $\frac{1}{8}$ вершка, и Б. Н. Миронов считал, что его округляли до ближайшего целого. Например, к третьей группе «2 аршина 4 вершка» причисляли новобранцев с ростом от 2 аршин $3\frac{5}{8}$ вершка до 2 аршин $4\frac{4}{8}$ вершка, к четвертой группе — с ростом от 2 аршин $4\frac{5}{8}$ вершка до 2 аршин $5\frac{4}{8}$ и т. д.¹⁹ Средний рост в третьей группе получался 2 аршина 4,0625 вершка, в четвертой группе 2 аршина 5,0625 вершка и т. д. В действительности же рост новобранцев округлялся путем отбрасывания дробной части вершка, т. е. к третьей группе «2 аршина 4 вершка» причисляли новобранцев с ростом от 2 аршин 4 вершка до 2 аршин $4\frac{7}{8}$ вершка, к четвертой группе — с ростом от 2 аршин 5 вершков до 2 аршин $5\frac{7}{8}$ и т. д.²⁰ Средний рост в третьей группе составлял 2 аршина 4,4375 вершка, в четвертой группе — 2 аршина 5,4375 вершка и т. д. Таким образом, в каждой группе в действительности рост новобранцев был на 0,375 вершка (на 1,67 см) больше, чем в расчетах Б. Н. Миронова. В первой группе завышение отсутствовало, а во второй группе оно равно четверти вершка, однако вес этих групп в общей численности рекрутов незначителен (примерно 1 % и 5 %), поэтому в целом по России (и в отдельных губерниях) средний рост новобранцев до 1890 г. был на 1,67 см больше, чем в расчетах Б. Н. Миронова.

С 1890 г. группировка рекрутов в документации призывных комиссий изменилась, теперь она выглядела так:

- в 2 аршина $2\frac{1}{2}$ вершка — <...>
- до 2 аршин 3 вершков включительно — <...>
- до 2 аршин 4 вершков включительно — <...>
- до 2 аршин 5 вершков включительно — <...>

В третью группу входили новобранцы с ростом от 2 аршин $3\frac{1}{8}$ вершка до 2 аршин 4 вершков, в четвертую — ростом от 2 аршин $4\frac{1}{8}$ вершка до 2 аршин 5 вершков и т. д. Средний рост в третьей группе теперь был равен 2 аршина 3,5625 вершка, в четвертой группе — 2 аршина 4,5625 вершка²¹. К сожалению, Б. Н. Миронов не заметил это изменение, средние в его расчетах остались прежними, так что после 1890 г. реальный рост призывников был на 0,5 вершка (2,23 см) меньше, чем в его расчетах. Правда, изменения не сразу вступили в силу, в некоторых приемных комиссиях продолжали работать по-старому, поэтому при вычислении среднего роста лучше брать период после 1900 г.

Б. Н. Миронов подсчитал годовую динамику среднего роста по губерниям в период 1874–1913 гг., за исключением 1911 г., для которого нет данных²². Его расчеты потребовали сбора большого объема архивных данных и трудоемких вычислений, и они представляют большую ценность, так как их нетрудно откорректировать соответственно сделанным выше замечаниям. Мы можем

воспользоваться этими результатами, увеличив их на 1,67 см для времени до 1890 г., и уменьшив на 2,23 см для времени после 1900 г. В табл. 2 указан средний рост новобранцев по губерниям в 1875–1879 и 1906–1910 гг. Если считать, что рост молодых людей отражает их уровень жизни в пубертатный период (13–18 лет), то рост в 1875–1879 гг. отражает главным образом ситуацию в 1867–1876 гг., а рост в 1906–1910 гг. — ситуацию в 1898–1907 гг.

Таблица 2

Средний рост новобранцев по районам и губерниям в 1875–1879 и 1906–1910 гг. (см)

Район (губерния)	Рост новобранцев		
	1875–1879	1906–1910	Увеличение/ уменьшение
Север	165,4	164,5	-0,9
Архангельская	166,0	165,0	-1,0
Вологодская	165,3	164,7	-0,6
Олонецкая	165,1	163,4	-1,8
Северо-Запад	166,4	165,3	-1,0
Санкт-Петербургская	166,5	165,9	-0,7
Псковская	166,5	165,4	-1,1
Новгородская	166,2	165,0	-1,2
Прибалтика	168,5	168,4	-0,1
Курляндская	168,5	167,1	-1,4
Лифляндская	168,5	168,8	0,3
Эстляндская	168,5	169,5	1,0
Промышленный центр	165,8	165,0	-0,8
Московская	166,5	165,6	-0,9
Ярославская	165,5	164,6	-0,9
Владимирская	165,9	164,8	-1,1
Смоленская	165,5	165,2	-0,3
Калужская	165,6	164,6	-1,0
Тверская	166,1	164,6	-1,5
Костромская	165,2	164,3	-0,9
Нижегородская	166,1	166,2	0,2
Северное Черноземье	165,9	164,3	-1,6

Продолжение табл. 2

Район (губерния)	Рост новобранцев		
	1875–1879	1906–1910	Увеличение/ уменьшение
Тульская	165,7	164,3	–1,5
Рязанская	165,9	164,1	–1,7
Тамбовская	165,8	164,3	–1,5
Орловская	166,4	164,5	–1,9
Южное Черноземье	166,7	166,1	–0,6
Воронежская	166,8	166,0	–0,8
Курская	166,4	166,1	–0,3
Харьковская	166,8	165,6	–1,1
Черниговская	166,3	165,5	–0,8
Полтавская	167,4	167,2	–0,2
Поволжье	165,9	165,1	–0,8
Пензенская	165,6	165,4	–0,2
Симбирская	166,0	165,1	–0,9
Саратовская	166,5	165,4	–1,1
Самарская	166,2	165,6	–0,6
Казанская	164,7	163,9	–0,8
Астраханская	167,5	166,2	–1,4
Урал	165,6	164,8	–0,8
Уфимская	164,8	164,6	–0,2
Оренбургская	165,6	163,9	–1,7
Вятская	165,0	164,7	–0,3
Пермская	166,7	165,6	–1,2
Степное Причерноморье	167,7	166,4	–1,3
Бессарабская	167,7	165,3	–2,4
Донская	168,6	167,1	–1,5
Екатеринославская	167,8	166,3	–1,5
Херсонская	167,2	167,3	0,1
Таврическая	168,0	166,1	–1,9

Окончание табл. 2

Район (губерния)	Рост новобранцев		
	1875–1879	1906–1910	Увеличение/ уменьшение
Белоруссия	165,7	165,4	–0,3
Витебская	165,9	166,1	0,2
Гродненская	165,8	165,4	–0,3
Минская	165,9	165,0	–0,9
Могилевская	165,5	165,3	–0,2
Литва	166,3	164,0	–2,3
Виленская	166,7	163,4	–3,2
Ковенская	166,0	164,8	–1,2
Украина	166,9	165,8	–1,1
Волынская	166,3	165,8	–0,5
Киевская	167,4	165,9	–1,5
Подольская	167,0	165,8	–1,2
50 губерний	166,3	165,4	–0,9

Подсчитано по: Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010. С. 719–761.

Рассмотрим сначала вопрос о различии роста новобранцев по районам и губерниям в начале исследуемого периода, т. е. в 1875–1879 гг. Изучению этого вопроса была посвящена работа Д. Н. Анучина²³, в которой средний рост подсчитан для периода 1874–1883 гг. Средний рост в группах брался в соответствии с их формальным названием, т. е. в третьей группе «2 аршина 4 вершка» приписывался рост в 2 аршина 4 вершка без учета отбрасывания дробной части. Поэтому данные Д. Н. Анучина немного отличаются от данных табл. 2, но разница между ростом в отдельных губерниях получается одинаковой.

Как отмечал Д. Н. Анучин, многие исследователи указывали на связь среднего роста с достатком или бедностью населения, но в случае России доказательство этого факта сопряжено со значительными трудностями, в первую очередь вследствие нехватки сведений об уровне жизни в различных районах²⁴. Теперь историки не сомневаются в этой связи (при однородном этническом составе населения), поэтому мы можем использовать данные о росте новобранцев в качестве дополнения к рассмотренным выше данным о потреблении²⁵.

Д. Н. Анучин привел карту распределения среднего роста по губерниям, из которой видно, что в южных губерниях, в Степном Причерноморье, на

Украине, в Южном Черноземье (за исключением Черниговской губернии) рост выше среднего по 50 губерниям (это можно видеть и из табл. 2). Особенно выделяется Донская область, в которой рост новобранцев был на 2,3 см выше среднего; очевидно, уровень жизни донских казаков оставался достаточно высоким. Украина и Южное Черноземье также отличались высоким ростом новобранцев, особенно Киевская и Полтавская губернии, где рост превосходил средний на 1,4 см. Однако в этом регионе имелись и более бедные губернии, в Черниговской и Волынской губерниях рост соответствовал среднему по России.

Северное Черноземье (в особенности Тульская губерния) уже в 1870-х годах отличалось низким ростом новобранцев. Низким рост был в Белоруссии, в большинстве губерний Промышленного центра (за исключением Московской и Тверской), на Севере, в Среднем Поволжье (за исключением Саратовской губернии). На Урале (в Пермской губернии) рост немного превышал средний. Понижение роста в Казанской и Уфимской губерниях и его повышение в Прибалтике Д. Н. Анучин объяснял этническими различиями²⁶.

Кроме того, Д. Н. Анучин обратил внимание на небольшое (примерно на 0,3 см) понижение среднего роста новобранцев в Европейской России в 1880–1885 гг. по сравнению с 1874–1879 гг., отметив: «Будущие исследования покажут, составляет ли это понижение временное, преходящее явление, или постоянное, свидетельствующее о некотором действительном понижении роста со временем»²⁷. Имея данные о росте рекрутов в 1906–1910 гг., мы можем заключить: средний рост новобранцев действительно уменьшался, это была долговременная тенденция, и в 1906–1910 гг. рост составлял на 0,9 см меньше, чем в 1875–1879 гг.

Таким образом, уровень жизни постепенно падал, хотя положение в районах было различным. Как видно из табл. 2, в Прибалтике (в Эстляндии и Лифляндии) рост рекрутов увеличивался, что можно сопоставить с относительно высоким уровнем потребления в этих областях. Увеличивался рост в Херсонской губернии, которая и раньше (наряду с Прибалтикой) отличалась высокорослостью. В других губерниях Северного Причерноморья рост уменьшался — и даже быстрее, чем в среднем по России, но за исключением Бессарабии он оставался на 1–1,5 см выше, чем средний рост российских новобранцев. Видимо, из этого следует сделать вывод, что по мере заселения Северного Причерноморья и уменьшения крестьянских наделов уровень жизни в этом регионе понижался, но все же оставался более высоким, чем в среднем по России. На Украине рост населения привел к схожему результату. Примерно таким же было положение и в южной части Черноземного района, за исключением Черниговской губернии, которая отличалась сравнительной низкорослостью и, как мы видели, более низким уровнем потребления.

Самое значительное уменьшение роста новобранцев отмечалось в северной части Черноземного района. Рост новобранцев здесь и раньше оставался ниже среднего, теперь он уменьшился еще на 1,6 см; это был регион с самыми низкорослыми рекрутами (за исключением Литвы). Мы упоминали выше о тяжелом продовольственном положении в названном регионе и о больших недоимках по налогам. Здесь находился эпицентр области оскудения.

Существенно ухудшилась ситуация во входивших в область оскудения Симбирской и Саратовской губерниях Поволжья. На Урале, в Пермской губернии, положение тоже ухудшилось, но все же рост новобранцев оставался выше среднего. В Центрально-Промышленном районе средний рост уменьшился на 0,8 см и был, как и ранее, меньше, чем в среднем по Европейской России. Бросается в глаза ухудшение ситуации в Тверской губернии; отличавшейся более низким потреблением, чем в других губерниях региона. К депрессивным районам относились также Калужская и Костромская губернии, но в Московской губернии, несмотря на уменьшение, рост сохранялся на уровне выше среднего.

На Северо-Западе средний рост уменьшился на 1,0 см. В Петербургской губернии он оставался выше среднего по Европейской России. Как следует из табл. 1, столичные губернии снабжались лучше других, и поэтому рост новобранцев здесь был выше. В Псковской губернии отмечался меньший рост новобранцев, а в Новгородской губернии он был еще ниже, что соответствует разнице в уровне потребления хлебов. На Севере при низком уровне потребления призывники отличались низкорослостью.

В Белоруссии положение осталось в основном прежним; рост рекрутов и потребление здесь были ниже, чем в среднем по 50 губерниям. Существенно ухудшилось положение в соседней Литве.

Таким образом, данные о росте подтверждают сведения о различном потреблении в губерниях Европейской России и предоставляют новую информацию о тех районах, о которых мы не имеем непосредственных свидетельств. Центрально-Промышленный район, Северное Черноземье с примыкающими губерниями Поволжья, Белоруссия, Север, отчасти Северо-Запад составляли область низкого потребления. Южные губернии (за исключением Бессарабии), Украина и Прибалтика были областью относительно высокого потребления. Еще раз подчеркнем: в самых депрессивных областях, в Северном Черноземье и в прилегающих «производящих» губерниях, низкое потребление обусловливалось не скудными урожаями, а огромным вывозом продовольствия, в основном из поместий крупных землевладельцев. Чем объяснялась такая ситуация? Центрально-Черноземный район являлся районом наибольшего развития крепостничества, здесь существовали обширные барщинные латифундии. После освобождения крестьяне получили недостаточные наделы и обременялись большими выкупными платежами. Отмеченная Д. Н. Анучиным низкорослость крестьян этого района была следствием распространения крепостничества. Таблица 3 показывает зависимость роста новобранцев по губерниям Центральной России от доли бывших крепостных крестьян (и их детей) в крестьянском населении в 1878 г.

Из табл. 3 видно, что рост новобранцев в общем увеличивается с уменьшением доли бывших крепостных в населении. В Полтавской губернии, где доля этой категории крестьян вдвое меньше, чем в Тульской губернии, средний рост новобранцев был на 1,7 см выше. Коэффициент корреляции между ростом и долей крепостных в населении составляет 0,77, т. е. крепостничество объясняет различие в росте на 60%.

Таблица 3

Рост новобранцев в 1875–1879 гг. и доля бывших крепостных

Губерния	Бывшие крепостные, %	Рост, см
Костромская	65	165,2
Смоленская	77	165,5
Калужская	75	165,6
Могилевская	86	165,5
Ярославская	68	165,5
Тульская	80	165,7
Владимирская	64	165,9
Рязанская	63	165,9
Тамбовская	44	165,8
Новгородская	48	166,2
Нижегородская	67	166,1
Орловская	55	166,4
Тверская	57	166,1
Черниговская	43	166,3
Курская	41	166,4
Московская	59	166,5
Харьковская	31	166,8
Воронежская	30	166,8
Полтавская	39	167,4

Доля бывших крепостных в 1878 г. подсчитана по: Статистический временник Российской империи. Сер. III. Вып. 10. СПб., 1886. С. 48–49.

Таким образом, низкорослость новобранцев в Центральной России была в основном наследием крепостного права и результатом тяжелых условий выкупа земли при освобождении. Воздействие этих тяжелых условий мы наблюдаем и в следующий период; оно усугублялось ростом населения и дроблением наделов. Министр финансов Н. Х. Бунге писал в докладной записке: «Когда население возросло, отведенная земля оказалась недостаточной для прокормления крестьян и для доставки им средств в уплате налогов и выкупных платежей. Когда же к этому присоединились неурожаи... тогда положение крестьян в целых уездах и даже губерниях стало бедственным»²⁸. Как отмечалось выше, к таким же выводам пришла и Комиссия 1901 года.

Крестьянское малоземелье сочеталось в Центрально-Черноземном районе с существованием крупных поместий — другим наследием крепостного права, что объясняет популярность в этом регионе лозунга «Земля — крестьянам!», крестьянские восстания 1905 г., и стихийный передел земель, начавшийся здесь в сентябре 1917 г., еще до большевистского восстания в Петрограде. Крестьяне самостоятельно произвели передел земель, и он был лишь узаконен большевиками, рассчитывавшими на их поддержку. В дальнейшем, после введения продразверстки, большевики отчасти утратили эту поддержку; крестьяне толпами дезертировали как из Белой, так и из Красной армии. Но когда белые вторглись в эпицентр области оскудения, Центрально-Черноземный район, 975 тыс. дезертиров вернулись в Красную армию, чтобы защитить результаты земельного передела²⁹.

Д. Байрау отмечал, что не случайно именно по границе между бедными и богатыми губерниями прошла линия фронта в Гражданскую войну, что бедные губернии стали крепостями красных, в то время как богатые губернии поддерживали антибольшевистские силы³⁰. По словам А. И. Деникина, все содержание Гражданской войны сводилось к тому, что «голодный север шел походом на сытый юг, а юг отстаивал... свое благополучие»³¹.

Таким образом, анализ различий в уровне потребления между различными районами России помогает понять причины русской революции и ход Гражданской войны. В первом приближении революция была восстанием крестьян центральных районов, потомков крепостных, получивших при освобождении недостаточные наделы, которые затем уменьшались вследствие роста населения.

Что получили крестьяне оскудевшего центра в результате революции и Гражданской войны? Как отмечалось выше (табл. 1), в 1908–1911 гг. среднее потребление зерна и картофеля на продовольствие и фураж составляло в Центрально-Черноземном районе 332 кг на душу, в 1909–1913 гг. — 380 кг, а вывоз зерна — 113 и 107 кг соответственно. В результате передела земель вывоз сократился до 43 кг в 1925/26–1928/29 гг., потребление в пищу и на фураж увеличилось до 497 кг на душу³². «Очевидно, большинство крестьян воспользовалось результатами аграрной реформы прежде всего для повышения своего личного потребления, — констатировал С. Н. Прокопович, — они перестали вести полуголодное существование и стали есть досыта»³³.

¹ См. об этом: *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010. С. 27–53.

² См. подробнее: *Нефедов С. А.* Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М., 2017. С. 15–21.

³ *Нефедов С. А.* Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции // *Общественные науки и современность.* 2010. № 5. С. 132.

⁴ Урожай хлебов в России в 1917 г. / под. ред. А. Е. Лосицкого. М., 1918.

⁵ Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. III. СПб., 1903. С. 279.

- ⁶ Там же.
- ⁷ *Коковцов В. Н.* Всеподданнейший доклад В. Н. Коковцова 19 ноября 1904 г. // Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. М.; Л., 1926. С. 138.
- ⁸ Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909–1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Вып. 1. Пг., 1916. С. 3–5.
- ⁹ См. подробнее: *Нефедов С. А.* Уровень потребления в России... С. 134.
- ¹⁰ *Нефедов С. А.* Уровень потребления в России... С. 135.
- ¹¹ Урожай хлебов в России в 1917 г.
- ¹² Там же. С. 20.
- ¹³ Там же. С. 29.
- ¹⁴ См. об этом: *Нефедов С. А.* Уровень жизни населения... С. 163.
- ¹⁵ *Нефедов С. А.* Уровень потребления в России. Табл. 3.
- ¹⁶ См. подробнее: *Нефедов С. А.* Уровень жизни населения... С. 97.
- ¹⁷ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения... С. 185.
- ¹⁸ *Нефедов С. А.* Роковая ошибка. По поводу использования Б. Н. Мироновым антропометрических данных новобранцев // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 110–115; *Nefedov S., Ellman M.* The Development of Living Standards in Russia Before the First World War: An Examination of the Anthropometric Data // *Revolutionary Russia*. 2016. Vol. 29, iss. 2. P. 149–168.
- ¹⁹ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения... С. 176.
- ²⁰ *Nefedov S., Ellman M.* The Development of Living Standards... P. 156–157.
- ²¹ *Ibid.* P. 159–160.
- ²² *Миронов Б. Н.* Благополучие населения... С. 719–761.
- ²³ *Анучин Д. Н.* О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в Империи за 1874–1883 гг.) сравнительно с распределением роста в других странах. СПб., 1889.
- ²⁴ Там же. С. 92.
- ²⁵ См., напр.: *Миронов Б. Н.* Благополучие населения... С. 84–86.
- ²⁶ *Анучин Д. Н.* О географическом распределении роста... С. 152.
- ²⁷ Там же. С. 168.
- ²⁸ *Бунге Н. Х.* Записка Н. Х. Бунге Александру II «О финансовом положении России» // Исторический архив. 1960. № 2. С. 133–134.
- ²⁹ *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 52–58, 319–320.
- ³⁰ *Байрау Д.* Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905–1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 24.
- ³¹ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: в 5 т. Т. 3. М., 2006. С. 513.
- ³² *Нефедов С. А.* Уровень жизни... С. 173.
- ³³ *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР: в 2 т. Т. 1. Нью-Йорк, 1952. С. 176.

Статья поступила в редакцию 27 марта 2020 г.

Рекомендована в печать 4 сентября 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Нефедов С. А. Уровень потребления в оскудевшем центре России и причины русской революции // *Новейшая история России*. 2020. Т. 10, № 4. С. 826–843.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.401>
 УДК 94(47).083

Аннотация: Статья посвящена анализу динамики потребления и уровня жизни в России в период перед революцией 1917 г. Показано, что общая динамика имела колебательный характер, имелись значительные погубернские различия. Для выявления этих различий используются два метода: первый основан на непосредственном подсчете остающегося в губерниях зерна путем учета урожая, ввоза и вывоза, второй — на данных антропометрии, в частности на сведениях о росте новобранцев

в различных губерниях. Второй метод позволяет также определить динамику уровня жизни в различных губерниях в полувековой период перед революцией. Оба метода указывают на существование обширной области низкого потребления в Центрально-Черноземном регионе, причем уровень жизни здесь имел понижательную тенденцию. Результаты исследования совпадают с выводами Комиссии 1901 года, которая характеризовала данный регион как «оскудевший центр». Корреляционный анализ указывает на связь оскудения с тем, что на этих территориях фиксируется наибольший процент бывших крепостных крестьян. При освобождении крепостные получили лишь маленькие наделы, которые вдобавок уменьшались с ростом населения. В то же время сохранившиеся крупные частные владения вывозили свой хлеб в другие регионы и за пределы страны. Сочетание крестьянского малоземелья и ориентированных на экспорт крупных хозяйств приводило к аграрным конфликтам. Здесь был эпицентр крестьянских выступлений в 1905 и 1917 гг., а в период Гражданской войны эти губернии стали «крепостями» большевиков.

Ключевые слова: русская революция, уровень жизни, уровень потребления, антропометрия, рост новобранцев, оскудение центра, влияние крепостничества, крупное землевладение, голодный экспорт.

Сведения об авторе: *Нефедов С. А.* — д-р ист. наук, доц., Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия); hist1@yandex.ru

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Россия, 620108, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

FOR CITATION

Nefedov S. A. 'The Consumption Level in the Impoverished Center of Russia and the Causes of the Russian Revolution', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 4, 2020, pp. 826–843. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.401> (In Russian)

Abstract: The article shows that the general dynamics of consumption was oscillatory in nature and there were significant provincial differences. Two methods are used to identify these differences. The first method is based on a direct calculation of the grain remaining in the provinces by taking into account the crop, import and export. The second method is based on anthropometry data, on data on the growth of recruits in various provinces. This second method allows you to determine the dynamics of the standard of living in various provinces in the half-century before the revolution as well. Both methods indicate the existence of a large area of low consumption in the Central Black Earth region, and the standard of living in this area has a downward trend. These results are consistent with the findings of the 1901 Commission, which characterized the region as an "area of impoverishment". Correlation analysis shows that "impoverishment" was due to the fact that in the first half of the 19th century this region had the largest percentage of serfs; it was an area of distribution of corvée latifundia. During the liberation, serfs received small allotments, which decreased with population growth. At the same time, the remaining large landowners exported their bread to other regions and outside the country. The combination of peasant low land and export-oriented large farms led to agrarian conflicts. Here was the epicenter of peasant uprisings in 1905 and 1917, and these provinces became Bolshevik "fortresses" during the Civil War.

Keywords: Russian revolution, standard of living, level of consumption, anthropometry, growth of recruits, impoverishment of the center, influence of serfdom, large-scale land ownership, hungry exports.

Author: *Nefedov S. A.* — Dr. Sci. in History, Associate Professor, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); hist1@yandex.ru

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 16, ul. S. Kovalevskoy, Yekaterinburg, 620108, Russia

References:

Anuchin D. N. *On the geographical distribution of the growth of the male population of Russia (according to the data on the total military service in the Empire for 1874–1883) compared with the distribution of growth in other countries* (St. Petersburg, 1889). (In Russian)

- Beyrau D. 'Janus in bast shoes: peasants in the Russian revolution, 1905–1917', *Voprosy istorii*, no. 1, 1992. (In Russian)
- Bunge N. Kh. 'Note by N. Kh. Bunge to Alexander II "On the financial situation of Russia"', *Istoricheskii arkhiv*, no. 2, 1960. (In Russian)
- Denikin A. I. *Essays on Russian Turmoil*, in 3 vols, vol. 3 (Moscow, 2006). (In Russian)
- Kokovtsov V. N. 'The most consistent report by V. N. Kokovtsov November 19, 1904', *Russkie finansy i evropeiskaia birzha v 1904–1906 gg.* (Moscow, 1926). (In Russian)
- Mironov B. N. *Welfare of the population and revolution in imperial Russia: 18th — early 20th century* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Nefedov S. A. 'Serious Mistake. The Use of Recruits' Anthropometric Data by B. N. Mironov', *Modern History of Russia*, no. 3 (11), 2014. (In Russian)
- Nefedov S. A. 'The level of consumption in Russia at the beginning of the 20th century and the reasons for the Russian revolution', *Social Sciences and modernity*, no. 5, 2010. (In Russian)
- Nefedov S. A. *The standard of living of the population and the agrarian development of Russia in 1900–1940* (Moscow, 2017). (In Russian)
- Nefedov S., Ellman M. 'The Development of Living Standards in Russia Before the First World War: An Examination of the Anthropometric Data', *Revolutionary Russia*, vol. 29, iss. 2, 2016. <https://doi.org/10.1080/09546545.2016.1243618>.
- Osipova T. V. *Russian peasantry in the revolution and civil war* (Moscow, 2001). (In Russian)
- Prokopovich S. N. *National Economy of the USSR*, in 2 vols, vol. 1 (New York, 1952).

Received: March 27, 2020

Accepted: September 4, 2020